

американцами, например, признается право исповедывать любую религию, если при этом они признают догмы гражданской религии и сакральность американских ценностей и политических институтов.

Хотя внешне жизнь государства, в котором существует развитая гражданская религия, кажется пронизанной религиозными символами (в суде даются клятвы на Библии, на деньгах написано «мы верим в Бога»), на практике гражданская религия оборачивается снижением общего уровня религиозности в данном обществе. Это связано с необходимостью уважения принципов гражданской религии, которое является обязательным для представителей всех религиозных конфессий. Часто гражданская религия появляется в процессе трансформации какой-либо обычной религии, которая становится «национальной» (или даже государственной), то есть, с одной стороны, поддерживается государством, а с другой – служит не собственным целям, а целям консолидации нации и укреплению государства. «Национальная религия» является своеобразной прививкой от политизации религий. Появление гражданской религии, таким образом, является процессом, обратным политизации религии, и его можно назвать как «секуляризацией религии», так и «религизацией политики».

Литература:

1. Белла Р. Основные этапы эволюции религии в истории общества // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. М., 1996.
2. Casanova J. *Public Religions in the Modern World*. Chicago & London: the University of Chicago Press, 1994.
3. Haynes J. *Religion in Global Politics*. L., N.Y.: Longman, 1998.
4. Juergensmeyer M. *Sacrifice and Cosmic War // Violence and the Sacred in the Modern World*. Ed. by Juergensmeyer M. L.: Frank Cass, 1992.
5. Maier H. *Politische religionen. Die totalitaeren regime und das Christentum*. Freiburg, Basel, Wien: Herder, 1995.
6. Martin D. *The Evangelical Upsurge and its Political implications // The Desecularization of the World. Resurgent Religion and World Politics*. Ed. P.L. Berger. Washington, DC: Ethics and Public Policy Center & Grand Rapids, Michigan: William B. Eerdmans Publishing Company, 1999.
7. Tibi B. *The Challenge of Fundamentalism. Political Islam and the New World Disorder*. Berkeley, etc.: University of California Press, 1998.

МАРТЫСЕВИЧ А. С.

КАНДИДАТ КУЛЬТУРОЛОГИИ, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ ИНСТИТУТА
ТЕОЛОГИИ ИМ. СВВ. МЕФОДИЯ И КИРИЛЛА БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ГЕРМЕНЕВТИКА П. БЕРГЕРА АПОСТОЛЬСКОГО СИМВОЛА ВЕРЫ

П. Бергер широко известен как представитель социального конструкционизма в современной социологии. Вместе с тем, работы П. Бергера по теологии – а он является также лютеранским теологом – до сих пор не переведены на русский язык, в связи с чем практически неизвестны среди русскоязычных исследователей. Целью данного доклада является выявление основных особенностей герменевтики П. Бергером Апостольского Символа веры на основе его работы «Вопросы веры», которая не переведена на русский язык.

Необходимо отметить, что Символ веры является безусловно догматическим ядром христианства, в связи с чем его герменевтике уделяется столь большое внимание как в современной православной теологии (А. Шмеман), так и в католической (У. фон Бальтазар) и в протестантской (П. Бергер). Причем сам герменевтический подход в каждом случае имеет свою специфику, обусловленную в том числе конфессиональной принадлежностью того или иного теолога.

Особенности герменевтического подхода П. Бергера проистекают из его представлений о современном мире. Так, в современном мире П. Бергер выявляет несколько основополагающих тенденций. Во-первых, процесс глобализации, который может сопровождаться «сакраментальным» и «несакраментальным» потреблением. Во-вторых, процесс индивидуации, характеризующийся возрастающей независимостью индивида, его освобождением от традиции и от коллективности. На культурном уровне этот процесс приводит к возрастанию свободы отдельных лиц и коллективов, к плюрализму, к нарушению принятых как само собой разумеющихся традиций, к открытию нескольких вариантов возможных убеждений, ценностей и образов жизни. Таким образом, глобализация и индивидуация приводят, согласно П. Бергеру, к третьей характеристике современного общества – к рефлексивности. Следует также отметить, что все эти характеристики современного мира находятся, с точки зрения П. Бергера, в тесной взаимосвязи. Так, к примеру, глобализация сопровождается «сжиманием мирового пространства», массовой коммуникацией, что в свою очередь и приводит к индивидуации, подрыву традиции. Как подчеркивает П. Бергер, социальный консенсус о религии отдельной культуры подорван. Индивидуация же, в свою очередь, вынуждает к рефлексивности, так как в настоящее время каждый должен сам выбирать свои убеждения среди огромного разнообразия. Именно из последней особенности современного общества проистекает особое понимание того, какой должна быть современная теология, согласно П. Бергеру. С его точки зрения, подрыв само собой разумеющейся религии (taken-for-granted religion) вынуждает каждого быть богословом. В то же время все вышеперечисленные особенности современного общества приводят и к тому, что сделать выбор в пользу Бога становится гораздо труднее. «Мы сейчас живем в ситуации Божьего молчания», – пишет П. Бергер [6, с.12]. Тем не менее это не означает для данного теолога, что мы должны сохранить наше молчание по отношению к Богу.

Из всего выше сказанного становится очевидным, что теология П. Бергера продолжает линию современной лютеранской академической теологии, берущей начало в теологии известного лютеранского

пастора, участника антинацистского сопротивления Д. Бонхеффера, в частности восходит к идее Д. Бонхеффера о «совершеннолетнем мире» [2]. С некоторой долей условности можно отнести теологические воззрения П. Бергера к такому направлению протестантизма, как теология «смерти Бога», на что указывает идея П. Бергера о «Божьем молчании» в современном мире, а также к теологическому деконструктивизму, или теологии «смерти теологии» [7], на что указывает его идея о невозможности существования академической теологии в том виде, в каком она существовала долгие столетия. Нельзя не заметить и влияние на представления П. Бергера взглядов социолога М. Вебера, в частности идей последнего об индивидуализации, секуляризации, рационализации, а также «расколдовывании мира» [3, с. 713, 732, 733].

Итак, именно такое понимание доминирующих процессов в современном обществе – глобализация, индивидуация и рефлексивность – обуславливают понимание П. Бергера о том, какой должна быть современная теология. Современная теология, с его точки зрения, должна быть не разговором академических теологов друг с другом, как это часто происходит в западной теологии, а как минимум диалогом профессионального теолога с теми, кто не имеет такого звания. Работа «Вопросы веры» этого автора является ярким примером воплощения его убеждений. Фактически данная работа представляет собой герменевтику Апостольского Символа веры, где каждая глава посвящена герменевтике одного из пунктов Символа. Основная особенность его герменевтического подхода, реализовавшегося в рассматриваемой работе, заключается как раз в том, что П. Бергер фактически пишет не столько от имени себя как академического теолога, а задается вопросами как обычный верующий и пытается ответить себе как человек, обладающий определенными теологическими знаниями. Следует подчеркнуть, что с точки зрения П. Бергера, всякий рефлексивный верующий – это уже теолог, а вся теология – это систематическое размышление о вере. Работа «Вопросы веры» может быть рассмотрена в качестве определенного рода диалектического единства сомнения и веры, так как автор честно говорит о тех вопросах, которые заставляют его сомневаться, и пытается дать на них ответы в соответствии со своей верой, тем самым представив опыт той самой рефлексивной веры, к которой подталкивает человека современное общество. Об этом свидетельствует и подзаголовок работы: «Скептическое утверждение христианства». Необходимо отметить, что к феномену сомнения в современном христианском богословии существует различное отношение. П. Бергер рассматривает сомнение как путь к рефлексивности, что во многом пересекается с отношением к сомнению лютеранского теолога XX века П. Тиллиха. Вместе с тем, такое отношение к феномену сомнения присутствует и в современном православном богословии. Так, И.А. Ильин писал: «Сомнение отделяет религиозное «детство» и, может быть, религиозное «отрочество» от зрелой поры, от веры мужественной, крепкой и окончательной. Оно не «соблазн», а «торнило»; не «конец религии», а обновление и углубление. «Отмахиваться» от него значит нарочно длить свою детскую беспомощность, т.е. умалять силу веры и победу религии» [4, Гл. 12]. Схожую идею высказывает и митрополит Антоний Сурожский: «Большой частью сомнения заключаются для человека в споре между тем мальчиком, которым он был в восемь или девять лет и верил детской верой, и взрослым человеком, в которого он развился умственно», «И тогда весь вопрос в том, чтобы созреть в области веры и религиозного опыта для того, чтобы взрослый верующий начал диалог со взрослым человеком внутри нас» [1, с.31].

С другой стороны, стоит также подчеркнуть, что работа «Вопросы веры» П. Бергера отражает общие тенденции современной герменевтики как философского направления. Так, в герменевтике Х.-Г. Гадамера и др. постулируется идея о том, что целью понимания не может быть ответ на вопрос, что хотел сказать автор текста, в силу невозможности достоверного знания на этот счет, но должен стать ответ на вопрос, что говорит мне этот текст. Интересно, что в некоторой степени такая герменевтическая интенция была заложена еще Мартином Лютером. Так, Мартин Лютер в тексте «Поучение, как христианам повиноваться закону Моисееву» (1525) отмечал, что интерпретируя текст, необходимо смотреть не только лишь на то, было ли нечто сказано Богом, но было ли это сказано тебе или кому-то другому. Безусловно, принцип личной интерпретации заложен в протестантскую герменевтику изначально.

В качестве доказательства того, что герменевтический подход П. Бергера основан на вопросе «о чем говорит этот текст лично для меня?» (хотя и для меня в качестве одного из типичных представителей современности, а значит не только для меня), рассмотрим вторую главу его работы «Вопросы веры» под названием «...В Бога» (первая глава называется «Верую...»).

Основной вопрос веры, который здесь рассматривает П. Бергер – «почему я должен верить именно в этого Бога, а не в какого-то еще?», т.е. «почему я должен верить в Бога как в Личность»? Следует отметить, что сама постановка вопроса вновь косвенно указывает на такую особенность современного мира, как подрыв религии *taken-for-granted* и столкновение человека с мультирелигиозным миром в ситуации «заката метанарратива» (Ж.-Ф. Лиотар). П. Бергер приводит здесь два аргумента в пользу веры в Бога как Личности. Во-первых, отмечает он, Бог как Личность легитимизирует понятие личности как таковое, а вопрос о личности П. Бергер рассматривает как центральный и не требующий доказательств, так как признание личности позволяет сказать нет всякого рода тоталитаризмам, бесчеловечности, отрицанию автономной самости и свободы. Во-вторых, П. Бергер указывает на то, что именно Библейская вера легитимизирует ценность видимого мира. К сожалению, П. Бергер в основном в данной главе рассматривает отличие представлений о Боге в христианстве от буддийских представлений, не затрагивая тему сравнения христианского представления о Боге и, к примеру, мусульманского. Другие главы являются более развернутыми и сложными как в плане количества поднимаемых проблем, так и теологической аргументации, однако уже на примере этой главы можно проиллюстрировать особенность герменевтического подхода П. Бергера.

Таким образом, герменевтический подход Апостольского Символа веры П. Бергера коренится в особом понимании современности этим автором, а именно указанием на возрастание рефлексивности, которое является следствием глобализации и индивидуации. Герменевтический подход П. Бергера продолжает линию

современной теологии протестантизма, берущей начало в работах Д. Бонхеффера, и во многом идейно пересекается с направлениями теологии «смерти Бога» и деконструктивизма в теологии. Главным вопросом герменевтики П. Бергера становится вопрос, «о чем мне говорит этот текст?». Более того, «какие вопросы вызывает к жизни во мне этот текст и как я могу на них ответить?». Герменевтика этого автора являет собой диалектическое единство сомнения и утверждения, утверждения через сомнение.

Литература:

1. Антоний (Блум), митрополит Сурожский. Человек / митрополит Антоний Сурожский (Блум). – Киев: «Пролог», 2005. – 302 с.
2. Бонхеффер, Д. Сопротивление и покорность / Д. Бонхеффер; пер. с нем. А.Б. Григорьева. – М.: Прогресс, 1994. – 344 с.
3. Вебер, М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
4. Ильин, И.А. Аксиомы религиозного опыта / И.А. Ильин. – М.: Русская книга, 2002. [электронный ресурс] – Pravmir.ru: православная электронная библиотека. – Дата доступа: 01.05.2015. – Адрес доступа: <http://lib.pravmir.ru/library/book/255>.
5. Berger, P. The cultural dynamics of globalization / P. Berger // Many globalizations: Cultural diversity in the contemporary world; ed. by P. Berger and S. Huntington. – Oxford: University Press, 2002. – P. 1–16.
6. Berger, P. Questions of faith: a skeptical affirmation of Christianity / P. Berger. – Malden: Blackwell, 2004. – IX, 187 p.
7. Deconstruction and Theology: addresses, essays, lectures / T. Altizer [and others]; ed. by C. Rashke. – N.Y.: The Crossroad Publishing Company, 1982. – 177 p.

БАБУК А. В.

**КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, СТАРШИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КАФЕДРЫ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ФАКУЛЬТЕТА
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ Ч. ДИККЕНСА И ИХ АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ
ОЦЕНКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ
РОМАНА «ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА»)**

Важным элементом в жизни и творчестве любого писателя является его мировоззрение, в основу которого положен аксиологический (ценностный) базис. Одну их фундаментальных основ ценностей составляет религия (от лат. Religare – связывать, соединять), т.е. учение о характере взаимосвязи человека с Богом, сопряженное с культовыми и обрядовыми действиями, а также переживаниями, в результате которых происходит Спасение души человека [1, с. 14–15]. Индивидуальный опыт этих религиозных переживаний в культурно-исторической перспективе формирует культурный код той или иной нации. Рассмотрим такой культурный код на примере религиозных взглядов Ч. Диккенса, воплотившихся в одном из его романов.

Английский писатель Ч. Диккенс по своему вероисповеданию принадлежал к христианам англиканской церкви, сформированной, как известно, в результате Реформации и последующего синтеза католической и протестантской конфессий. Одной особенностью всех протестантских конфессий является ослабление культо-обрядового начала, поскольку главным для протестанта является, как писал М. Вебер, так называемое понятие «Beruf» (нем. – «занятие»), выраженное в догмате «praeepta» и «concilia», согласно которым единственным средством Богоугодия является «не пренебрежение мирской нравственностью с высоты монашеской аскезы, а исключительно выполнение мирских обязанностей так, как они определяются для каждого человека его местом в жизни» [2, с. 97], т.е. его профессиональным призванием. Эта идея, по словам философа, легла в основу реформаторской деятельности Мартина Лютера в XVI в., а затем привела к буржуазным революциям в Англии и Франции, а также установлению парадигмы капитализма. Именно идея капитализма, т.е. накопления финансовых средств и превращение их в капитал стало главным «достижением» протестантизма как конфессии, что в корне революционным образом изменило ход всей истории человечества.

Идея капитализма является также частью философии утилитаризма, разработанной английским мыслителем Джереми Бентамом и его последователем Джоном Стюартом Миллем. Суть данной философии заключается в онтологическом следовании так называемому принципу полезности с точки зрения гедонизма, т.е. удовольствия и наслаждения. Так, согласно утилитаризму обеспечение частного благополучия и получение наслаждения становятся главным средством преодоления страдания и достижения счастья в жизни человека [3, с. 696–698].

Непосредственно на критику философии утилитаризма направлен роман Ч. Диккенса «Тяжелые времена» («Hard Times»), где протагонист Луиза Грэдграйнд становится жертвой прагматизма и утилитаризма своего отца, школьного учителя Тома Грэдграйнда, который отдает дочь замуж за знатного богатого человека Джосая Баундерби. Однако данный брак для Луизы становится не состоятельным, поскольку мистер Баундерби в реальной жизни оказывается хвастливым эгоистом, увлеченным бесчувственными и холодными фактами жизни: «Вооруженный линейкой и весами, с таблицей умножения в кармане, он всегда готов взвесить и измерить любой образчик человеческой природы и безошибочно определить, чему он равен» [4, с. 8].

В браке с Луизой мистер Баундерби достаточно хладнокровен, эгоцентричен и сосредоточен на себе самом, своим финансовом положении. Это проявляется даже на свадебной торжестве, когда он, делая комплимент своей невесте Луизе, сказал: «Она росла на моих глазах, и я так считаю, что она достойна меня. И еще я считаю – не стану вас обманывать, – что я достоин ее» [4, с. 117]. Так гипертрофированный эгоизм и самолюбие Баундерби проявились даже на собственной свадьбе, когда согласно некоей своей аксиологической